

А.П. Заостровцев

к.э.н., старший научный сотрудник, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

«30 ЛЕТ ПОСЛЕ СОЦИАЛИЗМА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РОССИЙСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ»: 21-Я ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИЗ ЦИКЛА «ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»¹

Аннотация. В работе представлен обзор прошедшей 11–12 февраля 2022 г. 21-й ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения». В этот раз она была посвящена 30-летию начала перехода к рыночной экономике в России. Участники конференции представили разные взгляды на особенности эволюции политических и рыночных институтов в этот период. В процессе обмена мнениями и дискуссиях они старались найти ответ на вопрос: построена ли рыночная экономика в России и если да, то какая? Возможен ли альянс России с международными организациями (например, ЕС), или же она противостоит Западу как чуждая ему цивилизация? Что отличает российские институты от тех, что сложились в рыночных демократиях? Большое внимание в этой связи было уделено власти-собственности как ключевому звену институциональной системы России. В целом участники конференции сумели представить широкую палитру мнений относительно сущности и перспектив российского общественно-политического и экономического порядка.

Ключевые слова: институты, власть-собственность, эффект колеи, цивилизация, модели рыночной экономики, реформирование экономики.

JEL: B40, B52, D02, D72, P20, P30, P50.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_172_185.

Конференция проходила 11–12 февраля 2022 г. в Санкт-Петербурге и её центральным вопросом был, естественно, вопрос о том, чем стало российское общество за прошедшее после решительного отхода от социализма 30-летие. Несмотря на то, что абсолютное большинство участников было представлено экономистами, значительная часть выступлений касалась не узких экономических, а гораздо более широких проблем, явно носящих междисциплинарный характер. Ближе всего они относились к институциональному историко-экономическому анализу. С их обзора и стоит начать освещение поднятых на конференции проблем.

Открыл конференцию доклад *А.П. Заостровцева* на тему «Посткоммунистическая эволюция российских институтов: модернизация как реставрация». Согласно его видению, модернизация бывает двух типов: адаптационная как трансформация этакратического общества с сохранением его основ (Китай, Россия, Иран) и вестернизирующая как преодо-

¹ Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. (2021) / Под ред. К. Рогова. — М.: Новое литературное обозрение.

ление этакратического общества с устранением его основ (переход к верховенству права), примерами которой могут быть Япония, Ю. Корея, Тайвань. Исторический путь России — это воспроизводство верховенства государства (этакратизма). На этом пути можно выделить следующие этапы:

- середина XV — конец XVII вв.: патримониальное монархическое государство (Московия 1.0);
- XVIII в. — начало XX в.: продвижение к гибриднему государству (внедрение элементов правового государства со второй половины XVIII в.);
- начало XX в. — до 90-х гг. XX в.: неопатримониальное коммунистическое государство (Московия 2.0);
- 90-е гг. XX в.: трансформация (номенклатурно-буржуазная революция; короткий период олигархического капитализма);
- XXI в. (по настоящее время): неопатримониальная этакратия (Московия 3.0).

Для современной неопатримониальной этакратии характерна структура, представленная на следующем рисунке:

Ядром данной институциональной системы служит власть-собственность, складывающаяся из трёх составляющих. Самовластье означает, что источником власти служит сама власть: этакратия монопольно владеет и распоряжается государством. Служение означает внеправовое принуждение этакратией к исполнению ее воли (как бизнес-сословия, так и более широких слоев). Держание характеризует условный характер собственности в такой институциональной среде: она есть дарованная привилегия, конечным распорядителем которой выступает всё та же этакратия (в первую очередь, силовая). Сущность власти-собственности заключается в том, что индивид в ней утрачивает самопринадлежность (право собственности на самого себя) и становится объектом (подданным), теряющим права гражданина.

В докладе обращалось внимание на то, что коррупции в России нет, поскольку нет разделения на публичное и частное. То, что по аналогии с правовыми обществами именуется коррупцией, на самом деле есть административная рента как капитализация государства его владельцами.

В то же время рассмотренная система несовместима с правовыми обществами, которые несут в себе постоянную потенциальную угрозу ей в силу демонстрационного эффекта. Это неизбежно порождает то, что автор доклада назвал имперством или институциональной экспансией: необходимо все время подрывать и сжимать сферу распространения институтов правовой цивилизации.

Правление этакратии нуждается в сильной идеологической индоктринации населения, поскольку оно неизбежно проигрывает в легитимации через благополучие. Требуется насыщение сознания масс так называемыми высшими ценностями, которые позволяют им мириться со скудостью бытия и, хотя бы отчасти, компенсировать его через сопричастность самой правильной вере, мессианству и державному величию.

Выступление *В.И. Нефедкина* было озаглавлено «От власти корпораций — к корпоративному государству: постсоветская эволюция». Основные его положения заключались в следующем:

1. За последние 25 лет сформировалась «экономическая вертикаль» власти, основу которой составляют крупные ресурсные и инфраструктурные корпорации, в том числе прямо или косвенно контролируемые государством.

2. «Новые корпорации», как правило, являются прямыми «наследниками» советских министерств.

3. Главный фактор экспансии крупного бизнеса — неорганический рост (рост, не связанный с экономическими преимуществами).

4. Противоречия между интересами крупных корпораций, национальными интересами и интересами отдельных регионов не стали менее острыми, хотя и приобрели в контексте современных российских реалий новую конфигурацию.

В РФ сложился институт корпоративной ренты, позволяющий устойчиво осуществлять перераспределение эффектов в пользу крупных корпораций за счёт:

- экономически выгодных регулируемых тарифов (для естественных монополий);
- прямых государственных субсидий для финансирования операционной деятельности или для осуществления инвестиционных проектов крупных компаний;
- доступа к внешнему финансированию на нерыночных условиях (в том числе с участием госбанков и регулятора);
- льготы по налогам и прочим платежам в бюджет;
- преференции в получении крупных государственных заказов и подрядов;
- прочих систем господдержки (сельхозпроизводителей, авиаперевозчиков и т.п.).

Доклад *Р.М. Нуреева* «Экономические субъекты постсоветской России: эффект колеи» включал в себя следующие составляющие: раскрытие «эффекта колеи», институциональные изменения домохозяйств, институциональные изменения фирм, институциональные изменения государства, а также рассмотрение сути новых тенденций.

Были выдвинуты следующие тезисы:

- долгосрочные экономические изменения являются результатом накопления бесчисленных краткосрочных решений политических и экономических агентов;
- выборы, которые делают агенты, отражают их субъективное представление об окружающем мире. Поэтому степень соответствия между результатами и намерениями зависит от того, насколько эти представления являются правильными;
- поскольку модели отражают идеи, идеологию, убеждения (которые, в лучшем случае, лишь частично подвергаются исправлению и улучшению обратной связью), то последствия являются не только неопределёнными, но и непредсказуемыми.

Институциональные изменения домохозяйств включали следующие сдвиги в 10-е гг. XXI в.: затормозился рост межличностного доверия, имело место небольшое увеличение мобильности, переход от приспособления к освоению рынка, спрос на самоуправление

является отложенным, институты гражданского общества не пользуются доверием ни у граждан, ни у государства.

Аналогичные изменения применительно к фирмам складывались из следующих тенденций: функционирование фирм в условиях возрастающей власти-собственности, ограничение иностранной собственности, сохранение олигополистической структуры, постепенное повышение защиты прав собственности предпринимателей.

Для институциональных изменений государства характерно частичное восстановление диктата государства над обществом, дальнейшее укрепление вертикали власти, сохранение институциональной коррупции и др.

В докладе был проведён подробный сравнительный анализ власти-собственности и частной собственности по десяти критериям. Так, если взять такой критерий, как субъекты прав собственности, то в первом случае таковыми субъектами являются государственные чиновники, во втором — индивидуальные владельцы ресурса, домохозяйства. Для власти-собственности типом правомочий собственности служат властные общественно-служебные правомочия госчиновников, для частной собственности — индивидуальные правомочия владения, пользования и распоряжения. Целевой функцией субъектов в системе власти-собственности является максимизация разницы между полученными раздачами и произведенными сдачами, в системе частной собственности — максимизация приведенной текущей стоимости активов или дивидендов по акциям. Стимулами при наличии власти-собственности являются административный контроль и принуждение, при наличии частной собственности — индивидуальные стимулы к повышению личного благосостояния.

Завершился доклад обращением к демонстрации новых тенденций глобального развития. На основе анализа статистических и прогнозных данных был сделан вывод о том, что Россия не участвует в «великом забеге» за благосостоянием и утрачивает позиции в глобальном мире.

Доклад *Е.А. Капогузова* «Трансформация импортированных институтов и российские реформы: 30 лет спустя» был посвящён проблеме адаптации институтов «Западной матрицы»: рыночная экономика, частная собственность, предпринимательская деятельность. Наряду с импортом таких мега-институтов речь шла и об импорте локальных реформ: государственное управление (меритократия, выборность, подотчетность, соучастие), образование и наука (коммерциализация и гармонизация), технолого-институциональная трансформация (электронная/цифровая Россия).

- были разработаны критерии отнесения институтов к импортируемым. В том числе: — происхождение института, его изначальное функционирование и формальное описание;
- в разработке аналогичного, по содержанию, формального института участвуют зарубежные консультанты и эксперты и/или представители иностранных или наднациональных организаций.

Успешность импорта институтов обеспечивается, когда в его процессе учитывается как специфика институциональной среды страны-реципиента, так и конгруэнтность импортируемых институтов. В этой связи большое значение имеет совпадение взглядов идеологов реформ (институциональных проектантов) и реализующих их идеи исполнителей (готовность к принятию «навязанных» институциональных изменений).

Импорт институтов сталкивается с особенностями российской институциональной системы. Отмечается, например, наличие специфической экономической ментальности, определяемой в первую очередь не религиозными традициями, а многолетним «выдавливанием» генетического кода применительно к развитию базовых институтов западного пути развития — предпринимательства и частной собственности.

Россияне в целом скорее одобряют «капиталистические» институты частной собственности и предпринимательства (особенно, наиболее сильные категории населения). Однако они негативно относятся к импорту институтов с Запада, предпочитая ориентацию на опыт стран Востока.

Отсюда следует рекомендация: дозированная модернизация, усиление дифференцированного отношения к опыту развитых зарубежных стран. Частичная замена стратегии «вестернизации» успешным опытом «остернизации» с выявлением элементов институциональной структуры, конгруэнтной специфике российской институциональной среды.

Польский экономист *М. Домбровский* сравнивал рыночную трансформацию Китая со странами бывшего Советского блока. Он обратил внимание на то, что китайский опыт рассматривается его апологетами как пример градуализма против российской шоковой терапии. Они утверждали, что китайский градуализм обеспечил высокие темпы роста в то время как шоковая терапия в России породила глубокий спад. По мнению автора доклада, это неверное понимание и интерпретация фактов. Во-первых, ни Китай не представляет медленный градуализм, ни Россия — шоковую терапию. Во-вторых, здесь прослеживается пренебрежение стартовыми условиями и опытом стран Восточной Европы и Балтии.

Страны Восточной Европы/бывшего СССР (ВЕ/бСССР) должны были быть деиндустриализированы с тем, чтобы создать пространство для рыночно ориентированной реструктуризации. Китай имел свободные ресурсы (избыточный труд в сельском хозяйстве) — по аналогии с нэпом в СССР в 1920-е гг. В Китае было более легко приватизировать сельское хозяйство и создать новый частный/квазичастный сектор вне его. В странах ВЕ/бСССР необходимо было снизить социальные расходы ради макроэкономической стабилизации. Построение рыночной экономики при авторитарном режиме не было опцией для стран ВЕ/бСССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг., но было таковой для Китая.

Градуализм был менее обещающим для ВЕ/бСССР по причине неспособности к «тонкой настройке». Кроме того, у этих стран был разочарующий опыт с реформами под лозунгом «рыночного социализма». Против градуализма работали и аргументы из области политической экономии (использование политического окна возможности после коллапса коммунизма, избегание промежуточных победителей).

Философ *В.П. Макаренко* обсуждал проблему «Насилие и политическая бюрократия». Концепция автора позволяет критически относиться к политической истории и политической системе России вплоть до настоящего времени. Им осуществлена классификация российских идеологов, которые предлагаются для описания способов трансляции монархического, советского и «демократического» опыта в современный контекст. Автор обсуждал проблемы освобождения ума и совести от наследия советской эпохи, реанимацию обскурантизма в России на фоне противоположности между культурой и государством, основные характеристики XX в. и константы русской истории, ветхозаветный концепт священной войны, трансформацию войны в христианстве, русский и советский государственный разум, цивилизаторскую диктатуру империи в прошлом и настоящем, эволюцию правительственной философии к системе тотальной лжи, современные формы ее воплощения, а также влияние указанных факторов на формирование государственной власти в стране.

А.Я. Рубинштейн, Р.С. Гринберг, А.Е. Городецкий представили разработанную ими концепцию теоретических аспектов регресса патерналистского государства. Они выделили три типа «провалов»: провалы рынка, государства и общества. Говоря о провалах общества, они указали на то, что речь идет о таком его состоянии, которое допускает выбор целей патерналистского государства, не соответствующих интересам общества, и ошибочных стратегий их реализации.

В докладе были выделены признаки регресса патерналистского государства. Во-первых, был отмечен дрейф патерналистского государства в сторону эскалации его

вмешательства во все сферы человеческой деятельности, с опорой на самовозрастающую бюрократию и силовые структуры, милитаризация экономики и имперские амбиции. Во-вторых, довольно быстрое сползание к «пограничной фазе» патерналистского государства — его закату. В-третьих, формирование автократического государства: фразеология патриотизма и идеи «особого пути», их обоснование через «улучшение прошлого». В-четвёртых, сужение общественного выбора вплоть до его полной монополизации — диктатуры. И, наконец, в-пятых, долговременный экономический застой и, как следствие, снижение уровня благосостояния.

Согласно авторам доклада, в России уровень доверия граждан к главе государства всегда был выше, чем к политическим институтам. В этом находит своё отражение патернализм политического сознания россиян. Такое сознание появилось не на пустом месте, оно накапливалось под влиянием многих факторов, в том числе связанных с «мифологизацией утраченного» и «забвением негатива прошлого». Не успев создать зрелое гражданское общество, большую часть «тридцати лет после социализма» страна прожила в условиях «сползания» к четвертой фазе эволюции патерналистского государства, к его деградации и неопределённости будущего.

Философ А.Г. Тульчинский озаглавил свое выступление на конференции как «Терминатор в колее, или российская эхолалия² цивилизационных трендов». Докладчик рассмотрел различные интерпретации «эффекта колеи», отражённые в концепциях «Русской системы», опричнины-земщины, ордынского наследия, власти-собственности и системы кормлений. По его мнению, из эхолалии русской культуры вытекает важнейшее для России следствие: эхолалия цивилизационных трендов. При этом добавляется (или вычитается) что-то своё. Так, поверили критике индустриального общества (упрощённому марксизму) — свалились в госфеодализм, поверили в постиндустриальный уклад (рыночный либерализм) — оказались недоразвиты, поверили в цифровую благодать — перспектива зависимости от Китая.

Среди проблем России выделяются: комплекс жертвы, враги вокруг и внутри (вражеская «лента Мебиуса»), безответственная невменяемость, диагнозы без знания реального больного, недобросовестные манипуляции. И, как результат, догоняющая модель развития (неспособность запуска инновационного развития).

Однако у России видится и конструктивный потенциал. Он включает следующие компоненты: регионы, яркая культурно-историческая специфика культур, ландшафты и т.д.; постимперская «культура культур», массовое общество и развитая массовая культура, образованное население (пока ещё), высокая рецептивность, преадаптивность и прокреативность; потенциал цифровизации (возможно). Вся проблема — в акторе реализации этого потенциала.

А.А. Яковлев предложил участникам конференции исследование по теме «Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию». Опираясь на идею разнообразия капитализмов, докладчик показал четыре основные модели. Первая — либеральная рыночная экономика — характерна для США и Великобритании. Вторая — координируемая рыночная экономика — отличает Германию, Японию, Францию. Далее, встречаем зависимые рыночные экономики (страны Центральной и Восточной Европы) и такие системы из похожего ряда, как иерархические рыночные экономики (Латинская Америка), патримониальные рыночные экономики (страны Ближнего Востока, Африки и СНГ). И, наконец, последний тип — это разрешаемые государством рыночные экономики (Китай, Индия, Бразилия). Высокая динамика и большая устойчивость этой модели в период кризисов стала восприниматься как альтернатива либеральной и координируемой рыночной экономике.

² Эхолалия — это эхо-симптом, заключающийся в повторении чужих слов и фраз.

Переходя к классификации экономики России, докладчик указал на новые тенденции после 2012 г. Среди них: снижение зависимости от внешнего мира с акцентом на безопасность, все более явное вмешательство государства в рыночные процессы, уменьшение социального напряжения через помощь значимым социальным группам (майские указы 2012 г.), явный акцент на помощь бедным группам и бедным регионам при сохранении преференций для «силового сословия», давление на элиты с целью повышения эффективности системы управления (антикоррупционная кампания и пр.). Однако итогом всему этому стало повышение «операционной эффективности (например, рост собираемости налогов) на фоне того, что экономический рост перестал быть значимым приоритетом (менее 1% в год в 2012–2019 гг.).

Далее автор доклада задает риторический вопрос: с какой моделью рыночной экономики все это соотносится? И приходит к выводу, что с моделью «осаждённой крепости» и «экономики сопротивления» (Иран). Обращается внимание на доклад Изборского клуба осенью 2012 г. «Стратегия “большого рывка”», где были представлены тезисы о третьей мировой войне через 5–7 лет и необходимости перехода к мобилизационной экономике. В 2017 г. академическая делегация из Ирана представляла в Москве «экономику сопротивления».

В заключение выступления были представлены два сценария для России при опоре на данную модель. Первый вариант означает, что при сохранении социально-политической стабильности внутри страны и отсутствии сильных внешних шоков с течением времени страна будет проигрывать другим странам в экономическом соревновании и оттесняться на периферию мировой экономики и политики.

И второй вариант: при нарастании напряжения, вызванного высоким уровнем социального неравенства, и при втягивании страны во внешние конфликты, требующие всё большего финансирования, выбранная модель с высокой вероятностью приведёт к банкротству экономики и к кризису, сравнимому с событиями 1991 г.

Доклад *В.Л. Тамбовцева* назывался «Изменение режимов собственности в России (конец РСФСР — сегодняшняя РФ): теоретическая реконструкция». Теоретической предпосылкой анализа является проведение различия между формами собственности и режимами собственности. В случае подхода с позиции формы собственности собственность трактуется как нерасчленимое целое, при этом на первый план выходит вопрос о том, кто является собственником. Это видение проистекает еще из Кодекса Наполеона, где собственность трактуется как неделимость имущественных прав. Этой традиции и следует современное российское законодательство. По умолчанию предполагается, что собственник может всё, что не ограничивается законодательством.

В концепции режимов собственности таковой режим означает совокупность прав (и задающих их правил), определяющих условия доступа к правам собственности на тот или иной ресурс (объект), порядок выбора вариантов его использования, а также порядок изменения того и другого.

В эпоху конца РСФСР в терминах форм собственности наблюдался рост числа объектов коллективной (кооперативной) собственности, признание не законности частной. В терминах режима собственности происходило резкое сокращение государственного режима и рост частного режима. Непоставленными и нерешенными задачами были легализация прав собственности и развитие защиты прав собственности.

По мнению докладчика, в сегодняшней РФ частная форма собственности стабильна, но частный режим стал во многом коммунальным; государственная форма собственности расширяется. Однако при этом государственный режим сокращается, а частный (рыночный) режим в государственной форме собственности растёт.

Причины такого положения дел заключаются в непоставленных и нерешенных задачах реформирования периода становления РФ, невнимании «исходных» реформаторов

к «технологии власти», т.е. текущей ежедневной бюрократической деятельности; пренебрежение к PR — публичному объяснению своих решений и действий.

Л.М. Григорьев выступил с докладом по теме «Проблема конгруэнтности трансформации». Он обратил внимание на то, что основная проблема «эволюции политэкономии» — как при латиноамериканской системе собственности, социальной структуры. Трансакционные издержки изменения структуры собственности (и корпоративного контроля) — неподъёмные. А на входе они были максимально низкими! Политэкономии остается поддерживать работоспособность социально-экономической системы частными реформами и изобретать частичные меры возврата на магистраль.

О конгруэнтности было сказано следующее:

- трансформация экономики, социальной системы и системы политической относится к трём наукам, но к одним и тем же «людям», относящимся к разным странам;
- «люди» при трансформации выходят из своих прежних страт под влиянием обстоятельств, законов или личного выбора. Свобода присоединения к новым стратам ограничена;
- в новых стратах «объекты трансформации» должны быть довольны своей судьбой настолько, чтобы поддерживать демократические институты — хотя бы в целом на выборах;
- благосостояние массовых страт после трансформации должно быть приемлемо в течении разумного времени;
- возникшая социальная структура должна поддерживать гражданское общество и политическую демократию.

Однако на пути конгруэнтности — проблемы собственности, эффективного хозяина и корпоративного управления. Приватизация не дала «зацепиться за портфельные активы и доходы» потенциальному среднему классу. Упор на передачу собственности, а не на конкуренцию — проблема «корпоративного контроля» и мотивации новых собственников на удержание «дешевых активов». Бедные образованные слои не имеют шансов на доходную «независимость» и не могут обеспечить гражданское общество.

Темой выступления *М.Э. Дмитриева* были «Рыночные реформы и структурные шоки: некоторые уроки 30 лет спустя». Во главу угла был поставлен вопрос о том, как экономические реформы соотносятся с резкими структурными изменениями в экономике и какого рода реформы могут потребоваться в моменты структурных экономических шоков. Отмечалось, что структурные проблемы российской экономики могут резко обостриться под влиянием ускорившейся декарбонизации мировой экономики и связанного с ней глобального энергетического перехода.

Рыночные реформы начала 1990-х гг. ознаменовали начало самой глубокой, поистине шоковой трансформации отраслевой структуры российской экономики за истёкшие полвека. Но на повестку отраслевых изменений как таковых у команды Гайдара почти не оставалось времени, сил, компетенций и политических ресурсов. В целом структурные реформы были отложены на потом. Шаг в реформах, который достался Гайдару и его команде, в основном состоял из структурно нейтральных реформ, более или менее одинаково влияющих на основные отрасли экономики и не преследующих непосредственной задачи содействия развитию конкретных отраслей.

В настоящее время задачу разработки пакета структурных реформ в ответ на вызовы глобального энергетического перехода не получится решить с наскока, как не удалось её решить и в 1991 г. Откуда бы ни исходил запрос на кардинальное обновление повестки реформ, экспертное сообщество не сможет отреагировать на него моментально. Задел принципиально новых решений, пригодных для ответа на вызовы предстоящего структурного перелома в развитии, до сих пор не сформирован. Наполнить новую отрас-

левую повестку реформ по-настоящему полезными и практически реализуемыми мерами в короткие сроки будет невозможно. Поэтому новая структурная повестка нуждается в тщательной заблаговременной подготовке.

Энергетический переход пока развивается в щадящем для России темпе: хотя его неизбежность уже не вызывает сомнений, он еще не успел набрать обороты. Благодаря относительно плавному началу глобального энергетического перехода, ситуация в российской экономике пока меняется не так стремительно, как в 1991 г. Для подготовки отраслевых реформ остаётся больше времени, чем было в начале перехода к рынку. Но это не повод расслабляться и откладывать подготовку структурных реформ на потом. Иначе позитивные и негативные уроки первых рыночных реформ тридцатилетней давности останутся неувоенными.

Т.М. Малева рассматривала динамику социальной структуры в посттрансформационной России. Основные выводы исследования заключались в следующих тезисах.

1. Численность среднего класса долгие годы, начиная с 2000-го, держалась на уровне примерно 20% населения, однако в 2017 г. снизилась почти до 15%. За указанный период нижний класс составлял от 10 до 15%, в принципе соответствуя доле бедного по доходам населения по данным Росстата, хотя среди критериев нижнего класса кроме материального положения присутствуют субъективный и социально-профессиональный стратификационные признаки.
2. Судя по сочетанию ряда материально-имущественных индикаторов — потребительские возможности (что могут купить или какая доля доходов расходуется на питание); наличие и размер сбережений; имущественная обеспеченность (автомобиль, второе жильё) — доля тех, чей уровень жизни соответствует стандартам среднего класса, сократилась с 27% в 2013 г. до 24% населения в 2017 г.
3. Субъективный компонент индикатора среднего класса также значительно снизился, с 26 до 20% за тот же период. По социально-профессиональному статусу произошло некоторое увеличение доли тех, кого можно отнести к среднему классу (с 19 до 21%), однако в целом доля интегрального среднего класса сократилась с 22% в 2013 г. до 21% в 2015 г., а затем до 15% населения в 2017 г.
4. Вместе с сокращением размера среднего класса некоторые его характеристики улучшились, а консистентность признаков среднего класса возросла, что означает тенденцию к выравниванию действия социальных факторов формирования среднего класса.

Доклад *В.М. Полтеровича* «Альянс ЕС и России: возможно ли это?» исходил из того, что, по мнению автора, между Западной Европой и США имеются глубокие противоречия. США постепенно теряют доминирующие позиции. Группа европейских стран формирует новый тип организации общества (имелись в виду страны, для которых более характерна не модель либерально рыночных, а скоординированных рыночных экономик). Пока эта группа невелика, но есть тенденция к её увеличению. России нужна стратегия догоняющего развития, и, прежде всего, необходимо крепить сотрудничество с ЕС.

Идея создания альянса стран на территории от Атлантического океана до Тихого остаётся актуальной и для Европы. Альянс Европы и России может стать «третьей силой», способной уравновесить США и Китай и, в конце концов, сформировать новые стандарты социально-экономической и политической организации общества, основанного на сотрудничестве.

В то же время автор доклада говорил о неуверенности в том, что Россия выберет эффективную стратегию.

«Планирование в СССР и РФ: разрыв и преемственность» — такая постановка проблемы была сформулирована в выступлении *Ю.В. Кузнецова*. Согласно его точки зрения, существуют следующие отличия государственного планирования РФ от народнохо-

зяйственного планирования в СССР. Во-первых, это существование рыночного сектора в сфере производства (рынков факторов производства и продукции), во-вторых, наличие рыночных цен на многие факторы производства (возможность адекватной оценки затрат), в-третьих, ключевая роль государственных бюджетов, во многом заместивших балансы ресурсов («деньги – основной ресурс»), и, наконец, декларируемый программно-целевой характер государственного планирования и управления.

В то же время докладчик видит и преемственность с прежней формой планирования. Сводит ее он к следующим двум моментам. Во-первых, к программно-целевому подходу — преемственность с позднесоветскими инициативами и реформами, во-вторых, попыткам внедрения стимулирования и самостоятельности организаций госсектора (*new public management* — «хозрасчёт»).

Будущее стратегического планирования описывается следующими перспективами его эволюции:

- появление всё новых «стратегических целей» и «приоритетов»;
- расширение государственного сектора и государственного вмешательства;
- рост популярности технократических решений;
- всё большее искажение внешних рыночных сигналов.

В докладе *В.В. Вольчика* «Эффект колеи в эволюции российской инновационной системы» зависимость от траектории предшествующего развития рассматривалась по следующей схеме: случайные исторические события — возрастающая отдача — блокировка (*lock-in*) — эффект колеи. Далее исследование предмета ведётся методами нарративной экономики. Нарративы разделяются на упрощенные протомодели и на данные о социальном контексте.

С помощью нарративов мы можем получить информацию о том, какие институты и идеи акторы считают влияющими на современный выбор в развитии российской инновационной системы. Через нарративы (истории) можно лучше понять, как акторы интерпретируют влияние институтов и идей на текущие взаимодействия в той или иной сфере деятельности.

Эмпирическая база для изучения нарративов:

- 43 рейтинговых источника СМИ, журналов, Интернет-ресурсов;
- отбор круга значимых, влияющих на социальные процессы источников осуществлялся с помощью системы мониторинга и анализа СМИ «Медialogия»: «Федеральные СМИ: 2020 год»;
- временной период поиска: с 1 января 2010 г. — 1 июля 2021 г.

В результате были определены следующие главные проблемы российской инновационной системы:

- государственное управление инновационной деятельностью;
- выбор тематики и направления исследований;
- спрос на инновации;
- институциональная структура и конкурентная среда для инноваций;
- проблема кадров для исследовательской и инновационной деятельности;
- проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью.

Было выявлено, что эффект колеи проявляется прежде всего во влиянии советского наследия в регулировании инновационной сферы. Он наблюдается, во-первых, в определении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники; во-вторых, в показателях инновационной деятельности («принуждение к инновациям»).

«Политическая экономика защиты прав собственности» стала темой выступления *К.И. Сониной*. Оно состояло из двух частей. В первой обращалось внимание на эволюцию институтов защиты прав собственности (1991–2022); во второй — на развитие теории прав собственности — от первых моделей «ловушек развития» до современных моделей.

«Ловушка» определяется двояко. С одной стороны, это равновесие по Нэшу, — ситуация, в которой никакому экономическому субъекту невыгодно отклоняться от выбранной стратегии. С другой стороны, это ситуация, когда у субъектов экономики нет спроса на изменение институтов («институциональная ловушка»).

В модели Полищука-Саватеева (1997) богатые субъекты не являются источником спроса на хорошие институты. Чем богаче субъект, тем больше его относительная отдача от борьбы за ренту, больше его инвестиции в борьбу за ренту и, как результат, для него более предпочтительны плохие институты защиты прав собственности.

Согласно «институциональной теории бесконечного передела» (Сонин, 2003), имеют место долгосрочные множественные равновесия: в «плохом» равновесии экономика постоянно живёт в ситуации высоких расходов на *частную* защиту прав собственности, высокого неравенства, власти, принадлежащей богатой олигархии.

В модели Гуриева-Сонина (2009) — «олигархи», стратегические игроки, теряющие прибыль из-за борьбы за ренту, имеющие возможность выбрать диктатора и рискующие тем, что диктатор при определённых обстоятельствах может закрепиться у власти и перестать зависеть от них.

В итоге были сформулированы следующие заключительные положения.

1. Через тридцать лет «эксперимента» мы знаем гораздо больше о том, как устроены и как эволюционируют институты защиты прав собственности.
2. «Ловушки» — экономические субъекты не только находятся в плохом равновесии, но и не хотят — и не дают политически — чтобы это равновесие менялось (против институциональных реформ).
3. Для российского случая важен общий вопрос — каким образом можно реформировать институты, консервирующие власть элиты?
4. Интересно также получить ответы на частные, «русские» вопросы, «микрооснования патернализма» — есть ли в этом что-то, кроме формы контроля?

Эволюция российских денежных институтов была рассмотрена в докладе *С.Г. Кирдиной-Чэндлер* «Институционализация денежного обращения в постсоветской России: выучены ли уроки СССР?». В нем были представлены следующие разделы: методология анализа институтов денежного обращения, институционализация денежного обращения в СССР, институты денежного обращения в современной России, закономерности и риски отечественной институционализации денежного обращения. В заключении автор ставит риторический вопрос: так выучены ли уроки?

В методологическом плане автор опирается на разработанную ею теорию X и Y — матриц. Институты X-экономики в России доминантны. К ним относятся редистрибуция, верховная условная собственность, кооперация, служебный труд, X-эффективность (ограничение издержек). Институты Y-экономики являются комплементарными: рынок, частная собственность, конкуренция, наемный труд, эффективность (максимизация прибыли).

На этой основе выделяются три этапа институционализации денежного обращения.

1. Тотальное доминирование X-институтов в денежной системе СССР и стагнация экономики.
2. Попытка перехода к доминированию Y-институтов и, как результат, угроза разрушения экономической системы в постсоветской России.
3. Восстановление доминирующей роли X-институтов в экономике и вновь возникновение рисков их тотального доминирования в наше время.

К рискам Y-институционализации относятся: неустойчивость и хрупкость денежной системы, потеря суверенности системы денежных институтов, зависимость денежной системы от внешних факторов и колебаний на глобальных рынках, порождение высокого уровня инфляции в связи с рассогласованностью преобразований, рост социального неравенства в пользу «имущих».

К рискам X-институционализации относятся: зависимость денежной системы от нефункциональных целей, исходящих, например, из политической системы (необеспеченная денежная эмиссия позднего СССР); нарушение институционального баланса в связи с неаккуратным использованием Y-институтов; риск тотального доминирования X-институтов.

С.А. Васильев затронул вопрос о том «Была ли возможность компенсации вкладов населения в Сбербанке СССР?». Причины невнимания реформаторов к данной проблеме: технократический настрой, негативное отношение к индексациям, желание погасить внешний долг. По мнению докладчика, реформаторы должны были сразу провозгласить компенсацию через секьюритизацию, внести в Думу закон о компенсации, объявить о поступлении доходов от приватизации в фонд компенсации.

А.Е. Шаститко выступил с докладом «Химеры в российском антитрасте: подходы к расшифровке генома». Идея его исследования заключалась в ответе на вопрос: что и почему происходит с инструментами антимонопольной политики, трансплантированными в российскую правовую систему?

Имеет место ползучее регулирование: замещение антитраста экономическим регулированием на уровне механизмов управления транзакциями. По форме — антитраст, по сути — экономическое регулирование химеры в экономической политике. Наиболее отчётливый пример — институт коллективного доминирования в России. Аналогично — проблема двусторонней монополии. Расшифровка генома российского антитраста традиционной теории организации рынков не по силам.

П.М. Лукичев раскрывал проблему «Новое международное разделение труда и позиция в нем России». Важнейшее экономическое последствие коронавирусного кризиса, по мнению докладчика, — это модификация мирового разделения труда. Существовавшее до пандемии разделение труда имело определённую интенсивность обмена товарами, определённую интенсивность обмена инновационными идеями, определённую интенсивность обмена услугами, определённую интенсивность обмена технологиями. Сейчас удельный вес каждого из этих видов глобального обмена не только меняется в абсолютном выражении, но и относительно друг друга.

Основные трансформации рынка труда после COVID-19 связаны с усилением процессов автоматизации и роботизации производства, расширением использования цифровизации в экономике; резким увеличением числа удалённых рабочих мест, концентрацией занятости на крупных предприятиях. В связи с этим необходима разработка и применение новых форм организации труда, наилучшим образом сочетающих обычную и удалённую работу. Для этого, в частности, необходимо «переучивать» сегодняшних студентов, готовя их к работе и взаимодействию с телеприсутствием.

В этих условиях перед Российской Федерацией стоит непростой выбор: идти ли по инерционному сценарию, надеясь на скорое прекращение пандемии, или активно развивать применение цифровой экономики, искусственного интеллекта, роботизации в России.

«Российская афазия 1990-х и формирование нового авторитетного дискурса экономической науки». Представляя доклад под таким общим заголовком *П.А. Ореховский* начал с определения афазии. Применительно к экономистам и экономической теории афазия, на взгляд автора, является удачной характеристикой ситуации смешения дискурсов («парадигмальной речи»), обусловленное невозможностью интерпретации наблюдаемой действительности в привычных категориях. При наступлении афазии у экономистов используемые ими концепты невозможно применить к «реальности», предлагаемые механизмы устранения причин будут ухудшать экономическое положение, объём «слепых пятен» будет увеличиваться вплоть до возникновения «туннельного зрения».

Выделяется марксистская афазия и либеральная афазия.

Остановимся на оценке автором либерализма. Неявной внутренней проблемой либерализма является противоречие между краткосрочными и долгосрочными целями рыночного актора. В долгосрочном периоде выгодны инвестиции в НИОКР, в «деловую репутацию», в «социальное партнёрство», в «устойчивое развитие». В краткосрочном периоде рациональным поведением является «обдирание активов», оппортунизм, «оптимизация налогов» и пр.

Для сегодняшних коммунистов СССР стал «государственным капитализмом» (социализма не было). Для либералов нынешняя РФ — «нефтяное государство», «кумовской капитализм». Но именно его они и строили.

В третьей части доклада выделяются аутсайдеры, радикалы, гетеродоксы. Аутсайдерами названы экономисты-структуралисты, которые на исходе социализма обращали внимание на перекошенную структуру экономики (в первую очередь, Ю. Яременко). Радикализм представлен персонажами, олицетворяющими две крайности: А. Илларионовым и М. Делягиным. Гетеродоксы ведут разговор в терминах власть-собственность и Восток-Запад. Их отличает разная интерпретация 1990-х: в одном случае это недоведённая до конца «модернизация» (нужна ещё одна демократическая революция), в другом — «насилие над цивилизацией».

В заключительной части доклада говорится о том, что решающим было перераспределение «государственно-политического» капитала: сделавшие ставку на Ельцина молодые «еретики» победили сделавших ставку на Горбачева «ортодоксов». Такая революция не связана «наукой», понимаемой как «приращение знания». Зато она хорошо укладывается в ситуацию афазии, когда «победители» и «побеждённые» говорят на разных языках.

По мнению докладчика, модель «зависимого развития» удачно описывает не только российские хозяйственные практики, но и нынешнюю когнитивную структуру отечественной экономической науки. Новый авторитетный дискурс, использующий основные концепты «экономикс» и «новой институциональной экономической теории» позволяет: 1) находиться в комфортной позиции «критиков правительства»; 2) вписываться в «мировую науку»; 3) защищать и воспроизводить результаты «научной революции» 1990-х, сохраняя структуру символической власти в поле экономической науки.

В докладе Ю.В. Латова «“Запрос на перемены” как результат незавершённости “антиноменклатурной” революции 1991 года» этот запрос определяется как внешне выраженный (фиксируемый, как минимум, опросами общественного мнения) посыл определённой части общества о необходимости смены приоритетов развития страны.

Рассматриваются акторы запроса в широком смысле слова — все, кто при социологических опросах выбирают «перемены», а не «стабильность» (примерно 50% россиян) — и в узком смысле слова — только те, кто не только выступают за перемены, но и как-либо действуют за перемены (участвуют в протестных выступлениях и др. — примерно 5%).

Доминирующий вектор запроса на перемены (15% респондентов: либерально-социалистическая ориентация (рынок/демократия + соцсправедливость); второстепенный вектор (5%): национал-державническая ориентация (держава + Россия для русских). Отсюда делается вывод: существует один главный идеологический вектор.

Докладчик ставит вопрос: были ли события 1989–1991/1993 гг. революцией? И видит аргументы «за» и «против». В пользу первого говорит то, что, во-первых, произошли качественные изменения «правил игры» во всех сферах (замена «власти-собственности» частной собственностью), во-вторых, произошло частичное обновление элиты, в-третьих, изменения происходили в условиях массовой политизации граждан. В пользу второго можно высказать тоже три соображения. Во-первых, в «правилах игры» произошла частичная реставрация (особенно в 2010-х), во-вторых, у власти осталась «номенклатура», в-третьих, не было массового применения вооруженного насилия.

В заключении ставится вопрос о том, дотягивает ли современный запрос на перемены до революции? И также приводятся аргументы «за» и «против». В пользу первого свидетельствуют те обстоятельства, что, во-первых, желающих перемен — половина россиян (в наиболее активных группах ещё выше), во-вторых, что желаемые большинством перемены невозможны при сохранении современного политического режима. Однако в пользу второго говорит то, что, во-первых, желание перемен у россиян слабо связано с желанием лично действовать ради этого, во-вторых, политический режим консолидирован (нет «кризиса верхов») и умело воздерживается от резких действий, способных дестабилизировать ситуацию; в-третьих, существующему режиму нет внятной институциональной и персональной альтернативы.

Доклад Д.Я. Травина «Современная Россия: советская, несоветская, антисоветская, постсоветская» завершал конференцию. В выступлении прозвучал тезис о том, что если исходить из представления, будто Россия должна была мигмом стать антисоветской, то налицо сегодня крах модернизации. С 2008 г. наблюдается застой, отказ от реформ, имеет место авторитарный режим, конфронтация с Западом, усиление цензуры, мифологизация истории, конформизм. На самом же деле, исходя из сложившихся институтов, российское общество ведёт себя вполне рационально. Наблюдается поддержка того, к чему стремились 30 лет назад: полные прилавки и рыночная экономика. И отказ от поддержки тех институтов, смысл которых пока не ясен (демократия и пр.). Наблюдается максимизация личной выгоды здесь и сейчас: отказ от рисков борьбы за преобразования, которые маловероятны; стремление вписаться в сложившуюся систему извлечения ренты, эмиграция в том случае, если есть ресурсы, обеспечивающие ее успех. К рациональному поведению относится и проявление лояльности к политическому режиму без идеологического восторга и веры в светлое будущее.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovstev

PhD (economics), research fellow in the International Center for Socio-economics Researches “Leontief Center” (St.-Petersburg)

**«ECONOMICS AND SOCIOLOGY»: XIX ANNUAL INTERNATIONAL CONFERENCE
FROM THE «LEONTIEV READINGS»**

Abstract. The paper presents an overview of the 21st annual conference held on February 11–12, 2022 from the Leontief Readings series. This time it was dedicated to the 30th anniversary of the beginning of the transition to a market economy in Russia. The conference participants presented different views on the peculiarities of the evolution of political and market institutions during this period. In the process of exchanging views and discussions, they tried to find an answer to the question: has a market economy been built in Russia, and if so, what kind? Is an alliance between Russia and international organizations (for example, the EU) possible, or does it oppose the West as a civilization alien to it? What distinguishes Russian institutions from those that have developed in market democracies? Much attention in this regard was paid to power-property as a key link in Russia’s institutional system. In general, the participants of the conference were able to present a wide range of opinions about the nature and prospects of the Russian socio-political and economic order.

Keywords: *institutions, power-property, track effect, civilization, market economy models, economic reform.*

JEL: B40, B52, D02, D72, P20, P30, P50.